

Панин С. А.

СЦИЕНТИСТСКИЕ И АНТИСЦИЕНТИСТСКИЕ ОБРАЗЫ ФИЛОСОФИИ

Реферат по дисциплине «Онтология и теория познания», М., МГУ, 2007

Электронная публикация: <http://fzrw.org>

.....

Сциентизм (от лат. scientia наука, знания) – это система убеждений, утверждающая основополагающую роль науки как источника знаний и суждений о мире. Нередко сциентисты считают «образцовыми науками» физику или математику и призывают строить остальные науки по их образу и подобию. В качестве осознанной ориентации сциентизм утверждается в конце XIX века, хотя предпосылки его были заложены еще в работах Френсиса Бэкона. Вообще, сциентизм возникает как реакция на абстрактность и недоказуемость построений классической философии; на неразрешенность большинства поднимавшихся в ней вопросов. Исходя из того, что ни один из философов так и не смог «строго объективно» доказать истинность своих представлений, мыслители данного направления делают вывод, что любая «ненаучная» философская концепция представляет собой лишь продукт «рефлексивной спекуляции» конкретного мыслителя. Поэтому одним из важнейших направлений сциентистской философии становится критика систематического идеализма. Иногда такая критика может проходить в достаточно мягкой форме и выглядеть как своеобразное дополнение классических философских систем, что отражается даже в названии этих направлений (неогегельянство, неокантианство), а иногда принимает жесткий характер, направленный на полное отбрасывание классических традиций в философии (позитивизм, неопозитивизм). В целом, сциентистское мировоззрение в своей наиболее завершенной форме характеризуется как убеждение в том, что научное знание является единственно достоверным, что научный подход должен проникнуть во все области человеческой жизни и организовывать всю жизнь общества.

Фактически, сциентизм основывается на трех наиболее значимых положениях:

- положение о том, что наука может заменить собой философию и метафизику в деле решения фундаментальных моральных и этических проблем;
- положение о том, что в науке заключены решения всех проблем человечества;
- положение о том, что методы точных и естественных наук являются единственными верными научными методами, и что эти методы должны применяться также и к гуманитарным и социальным наукам.

Не будучи завершенной философской концепцией и представляя собой, по существу, лишь идейную и мировоззренческую ориентацию, сциентизм проникает в различные области человеческой жизни и может по-разному проявлять в каждой из них. В политике, например, сциентизму свойственна установка на увеличение роли ученых в государственном управлении (напрямую или в форме научных консультантов, экспертных советов и т.п.). Идеалом радикальных сциентистов является государство, «разумно устроенное» в соответствии с «научными» принципами. Такую позицию мы находим, например, у Ф. Бэкона в его книге «Новая Атлантида», утопии, где описывается идеальное государство, решающую роль в управлении которым играет «Дом Соломона» -

фактически, сообщество ученых, подобное академии наук. В гносеологическом плане сциентизм обычно связывается с идеей о том, что только знания, подтвержденные научно, являются верными, или с идеей абсолютного доверия к науке в ее актуальной форме, плавно перетекающей в научных догматизм. В социальном и гуманитарном познании сциентизм связан с недооценкой или игнорированием специфики их предмета по сравнению с естественнонаучными объектами, с попытками некритического и зачастую весьма искусственного привнесения в исследование человека и общества методологии естествознания. Сциентизм в философии характеризуется игнорированием ее мировоззренческого характера, непониманием ее специфики по сравнению со специально-научным знанием.

Большую роль в развитии как сциентистской, так и антисциентистской философии сыграл анализ и развитие философского учение Иммануила Канта. Мыслителей, строящих свою философию на осмыслении кантовского учения, принято объединять под общим названием «неокантианцы».

Среди неокантианских философских течений особого внимания в плане рассмотрения сциентистского образа философии заслуживает марбургская школа, крупнейшими представителями которой являлись Г. Коген, П. Наторп, Е. Кассирер. В мировоззрении этой школы получают дальнейшее развитие антипсихологические установки учения Канта. Философия трактуется здесь как рационально-теоретическая форма мышления, которая должна ориентироваться на то, чтобы выступать в качестве науки и отвечать соответствующим критериям научности. Соответственно наука для ее представителей – это высшая объективно-упорядочивающая форма человеческой культуры. Она как бы олицетворяет в себе разум как таковой, точнее, разум находит в науке свое истинное прибежище. Происходит абсолютизация разума, но в его восприятии через науку, то есть отождествление разумности, рациональности с научностью. Объявляется, что мышление выступает единственным критерием определения объекта (Г. Коген), хотя на самом деле речь идет не о мышлении в целом, но лишь об одной его разновидности, т.е. научном мышлении. Поэтому логика развертывания научной мысли здесь превращается в логику развития действительности. Соответственно философия как форма рационально-теоретического сознания должна строиться, с точки зрения представителей данной школы, по образцу науки. Неокантианцы сциентистского направления все время подчеркивают, что именно они верным образом интерпретируют философию Канта, выполняя поставленную им задачу рассматривать философию (метафизику) в качестве особой науки.

Утверждение о необходимости «точного метода» в философии, на самом деле, не родилось в XIX веке. Как уже было сказано выше, сциентизм коренится в самой европейской науке и рождается вместе с ней; все основные его тезисы, таким образом, могут быть найдены еще у «отца-основателя» современной западной науки, то есть у Бэкона. Однако нельзя отрицать и значимость последующего осмысления этих идей, несомненно «витающих в воздухе» в XVIII – XIX веках.

Наибольшее свое развитие сциентистское мировоззрение получило в работах философов-позитивистов. Чрезвычайно ярко проявляются они в работах основателя этого философского течения, Огюста Конта. Рассматривая человеческое познание, Конт

выделяет в нем три ступени: теологическую, метафизическую и научную. В своей главной работе «Курс позитивной философии» он пишет: «...человеческий разум в силу своей природы *в каждом из своих исследований* пользуется последовательно тремя методами мышления, характер которых существенно различен и даже прямо противоположен: сначала методом теологическим, затем метафизическим и, наконец, позитивным. Отсюда возникают три взаимно исключаящих друг друга вида философии, или три общие системы воззрений на совокупность явлений; первая есть необходимый отправной пункт человеческого ума; третья – его определенное и окончательное состояние; вторая предназначена служить только переходной ступенью». Как видим, по мнению Конта, наука оказывается высшей и наилучшей степенью познания мира; все же остальные оказываются как бы субстратом для появления научного знания.

Еще одно связанное со сциентизмом направление философии называется прагматизмом. Важнейшими его представителями являются Ч. Пирс, Дж. Дьюи, У. Джемс. Прагматизм представляет собой философское направление, исходящее из критики классической философии за ее абстрактность и оторванность от проблем конкретного человека и призывающее, напротив, заниматься вопросами, которые стоят перед человеком в различных жизненных ситуациях. Соответственно вся окружающая действительность отождествляется у них с опытом, а единственным критерием истины является достижение практического результата. Философия в понимании прагматизма должна помогать человеку «двигаться в потоке опыта к каким-то поставленным целям». Заметим вновь, что идея эта не нова – напротив, она так же стара, как и сама наука. И снова обратимся к трудам Френсиса Бэкона. В «Новом Органоне» он пишет: «...плоды и практические изобретения суть как бы поручители и свидетели истинности философии».

Таким образом, рассмотрев вкратце историю развития сциентизма в XIX веке, мы можем заметить, что, хотя этот вид мировоззрения и получил наибольшее развитие именно в XIX веке, он все же не был детищем этой эпохи. На самом деле, специфика сциентизма XIX столетия состояла, в основном, в том, что сциентизм в это время превратился в осмысленную мировоззренческую позицию. Претензия на абсолютную истинность научного знания, его всеобъемлющую значимость присуща самой науке; она рождается вместе с наукой и представляет собой ее неотчуждаемый атрибут. Идея «практической философии», увеличения власти человека над окружающим миром т.ж. неразрывно связана с развитием научного знания, и была изначально заложена в программу формирования и эволюции науки. Человеческий организм формируется на основе программы ДНК. Европейский сциентизм формируется на основе программы Френсиса Бэкона.

Следует отметить один немаловажный факт. Несмотря на то, что сциентизм в целом избирает в качестве образца «правильного» знания знание «научное», не существует единого мнения, *какую именно* науку следует принять за образец. В каждый конкретный период под научностью подразумевают не науку вообще, во всей совокупности ее отделов, дисциплин и видов, а лишь некоторые лидирующие ее направления. Так, со времен Позднего Средневековья чрезвычайно популярной была идея создания «универсальной математики». Правда, и в этом случае под «математикой» имелась в виду не математика вообще, а только один из ее разделов – геометрия, поражавшая всех строгостью и стройностью своих выводов. На рубеже XVII – XVIII веков известный немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц полагал, что правильное мышление то, которое построено как счисление, то есть по формально-логическому методу развиваемой им новой логики, основанной на символизации основных логических процедур и

положившей начало развитию математической логики. В XIX веке Кант считал физику высшей ступенью человеческого познания. Все эти мнения складывались на основании красоты и строгости выводов тех или иных наук. Однако в XIX – XX веках сама наука нанесла серьезный по сторонникам сциентизма: появление геометрий Лобачевского, Римана и Гаусса; теория относительности Эйнштейна, развитие квантовой физики и разработка многозначных логик дали много пищи для размышлений, как противникам сциентизма, так и самим сциентистам. Наука больше не представляется чем-то единым, абсолютно стройным и точным. Выводы ее стало весьма трудно считать абсолютной и единственной истиной: ведь и внутри почти каждой науки появилось множество подчас противоборствующих или взаимоисключающих течений.

Следствием этого стало появление новой актуальной проблемы – проведения границы между научным и ненаучным знанием. Эта проблема стала ключевым вопросом философии неопозитивизма. Одним из классических путей ее разрешения можно считать следующий: поскольку любая наука, прежде всего, научная теория, а она, в свою очередь, представляет собой некоторую языковую систему, то проблема различения науки и ненауки, научных высказываний от ненаучных может быть решена на лингвистическом уровне. Именно из него и родилась одна из наиболее влиятельных философских школ XX века: аналитическая философия, или философия лингвистического анализа. Крупнейшим представителем этого течения был выдающийся российский философ и логик Людвиг Витгенштейн. По мнению Витгенштейна, любое высказывание, имеющее смысл, должно быть сводимым к атомарным предложениям, которые, в свою очередь, являются лишь описаниями. Понятно, что философские (метафизические) высказывания свести к атомарным и эмпирически проверяемым предложениям нельзя, поэтому они, по мнению философа, должны быть отнесены к разряду псевдовысказываний, которые, в свою очередь, с позиции научного анализа лишены всякого значения, а значит, бессмысленны. Поскольку наука – это, прежде всего, научная теория, эмпирический уровень которой представляет собой систему фактических высказываний о реальном мире, то критерий научности имеет прежде всего эмпирический характер (подтверждаемость). Философия не может быть научной теорией, так как система ее высказываний не несет никакой фактической информации о мире и поэтому ее положения не могут быть подтверждены. Данный подход к демаркации философии и науки постепенно выкристаллизовывается в известный принцип верификации. Предложение в рамках принципа верификации считается научным, если оно верифицируемо, т. е. если его следствия не противоречат базисному знанию, которое представляет собой совокупность протокольных предложений, достоверных описаний опытных данных. Если некоторые предложения нельзя верифицировать, то они не являются научными и должны быть изъяты из научной теории.

Помимо концепции Витгенштейна в рамках неопозитивизма развивался и целый ряд других идей, касающихся демаркации научного и ненаучного знания.

Реакцией на развитие сциентизма стало появление прямо противоположной ему мировоззренческой позиции – антисциентизма. В своих крайних формах он утверждает полную бесполезность науки; в более мягких же сводится к критике сциентизма и указанию на ограниченность сил науки и научного метода. Толчком к его развитию стала очевидность оборотной стороны научно-технического прогресса: механизации человека, развитие массовой культуры, проблемы экологического характера. Этому же способствовало нарастание неясностей, пробелов в научном знании. То, что прежде казалось совершенно очевидным, со временем становилось все менее и менее понятным. Критика сциентизма развивалась по ряду направлений. Первое нацелено на выявление внутренних противоречий науки и, по существу, состоит в доказательстве ее

необъективности или ненаучности. Другое направление антисциентизма состоит в утверждении чуждости науки и научно-технического прогресса человеческой природе. Третье заключается в анализе предмета философии и абсолютизации ее ценностного характера.

Как уже было сказано выше, творчество Канта, повлияв на всю европейскую философию, стало предметом осмысления как для сциентистов, так и для антисциентистов. Так, представители баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) развивают трансцендентально-психологическое истолкование философии Канта, в котором особое внимание обращается на роль субъекта в процессе познания. В противовес теоретикам описанной выше марбургской школы, они обращают внимание на то, что познание – это особый феномен, который, несмотря на всю его специфицированность, нельзя оторвать от культуры, в рамках которой он развивается. Поэтому наука не является особым доминирующим фактором культуры, а ее методы и принципы не могут рассматриваться в качестве абсолютного эталона для других форм познавательной деятельности. Более важными во взаимоотношении объекта и субъекта, по мнению представителей баденской школы, выступают системы ценностей, на которых основаны в том числе и гносеологические отношения человека с миром. Человек не может освободиться от своей изначальной субъективности, которая оказывает влияние на все богатство его взаимоотношений с миром и другими людьми.

Цель философии не может быть сведена к анализу только научного познания, она должна исследовать все системы ценностей, которые существуют в человеческой культуре. Такая установка дает начало, с одной стороны, выяснению специфики гуманитарного знания и его отличия от естественных и математических наук, а с другой стороны, импульс для анализа философии прежде всего как формы вненаучного сознания.

Еще более остро эта проблема решается в различного рода иррационалистических концепциях типа бергсонизма или «философии жизни» с их ограничением разумного познания и абсолютизацией значения внерациональных (интуитивных, оценочных) факторов философского понимания бытия. Именно в этот исторический период возникает целая серия философских концепций, так или иначе развивающих антисциентистскую традицию, что характерно для творчества таких мыслителей, как А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон и др.

Классическим выражением антисциентизма в философии выступает экзистенциализм, который мы рассмотрим на примере творчества Карла Ясперса. Исходя из того, что и наука, и философия как формы сознания основаны на определенных ценностных системах, философ утверждает, что они несовместимы. «Философское мышление по своему смыслу радикально отличается от научного» («Философская автобиография»). В науке в качестве высшей выступает познавательная ценность, тогда как в философии установка на обязательное достижение истины отступает на второй план. Именно поэтому философия принципиально не должна строиться по образцу каких-либо наук, являясь совершенно иным способом постижения бытия. Примером последнего служит тот факт, пишет Ясперс, что логическое доказательство, признающееся сциентистски настроенными мыслителями своеобразным эталоном доказательства, оказывается недостаточным в философии. Более того, те формы рассуждения, которые в логике считаются ошибочными, а именно «противоречия, круг, тавтология... выступают как признаки различия между философским и научным мышлением». Если в науках мышление является лишь средством овладения знаниями и с их помощью предметным миром, то философия есть мышление в чистом виде – самомышление, которое реализуется через внутреннюю деятельность человека.

Философия не ставит перед собой задачу предметного овладения миром. Она ближе стоит к искусству. Философ создает уникальные произведения, являющиеся результатом его собственного творчества. Соответственно философия – глубоко непрактичная форма духовного освоения бытия. «Если науки в своих областях получили убедительно достоверные и общепризнанные знания, то философия не добилась этого, несмотря на свои старания в течение тысячелетий» («Введение в философию»). Таким образом, в философии отсутствует критерий общезначимости результатов, так как в ней нет единой системы методов. Поэтому наука развивается линейно-прогрессивно, постоянно накапливая знания о предметной области. Последняя по времени научная теория одновременно выступает и как наиболее истинная. В философии данная направленность и линейность отсутствуют. Философы могут интересоваться проблемами, поставленными тысячами лет назад. Устремленность науки в будущее порождает такую ее особенность, как нацеленность на абсолютное познание мира. Это центральная ценностная установка ученых. Философы же, начиная с Сократа, ставили эту возможность под сомнение, выдвигая для этого весомые аргументы. Сциентистская мировоззренческая установка является важной предпосылкой научной деятельности, однако нельзя ее распространять на познание бытия в целом. Претензии науки беспредельны, там, где философ задумывается, ученый осуществляет. Последующая оценка этого действия, однако, может оказаться весьма негативной как со стороны самой науки, так и общества, вынужденного потом преодолевать «работу, сделанную за дьявола». В результате, занимая в каком-то смысле лидирующее положение в рамках общечеловеческой культуры, беря на себя несвойственные ей функции по выработке жизненных ориентиров для человека и человечества, наука в конечном счете «не может дать никаких целей для жизни. Она не выставляет ни одной общезначимой ценности» («Экзистенциальная философия»).

Таким образом, философия не имеет целью познать нечто как конечное, то есть окончательно и навсегда. В философии более важной выступает цель личной удостоверенности в проблеме, в той или иной ситуации, в личном желании человека поразмышлять над ней. Наука всегда направлена на предмет. Это ее стихия, и ей нет здесь равных. Стихия философии – это бытие и место человека в нем, и здесь наука бессильна. Это не значит, что необходимо отказаться от наук, нет, более того, философия должна опираться на них, но всегда осознавая их принципиальную ограниченность. Философия нацелена на поиск и реализуется как всегда незавершенный процесс. Особенностью философии является также и отсутствие необходимости доказывать свою правоту для другого. Если науки борются за истину, то философия открывается лишь тому, кто этого хочет сам, она безразлична к числу ее слушающих и понимающих, будь в качестве таковых один или миллионы людей.

Люди могут оказаться в особых ситуациях, где они в наибольшей степени проявляются как личности, в ситуациях, из которых мы не можем выйти, изменить которые мы не в силах. Это этап преодоления «пограничных ситуаций», наиболее важный для самосознания человека. Осознание их является главным источником философии, пишет К. Ясперс. В обыденной жизни человек «забывает», например, что он смертен и что его жизнь конечна, что он может быть виновным и нести внутреннюю ответственность за свои поступки. Человек легко выходит из перипетий обыденной жизни, отбрасывая такого рода размышления в сторону. Лишь в пограничной ситуации, когда вопрос его существования ставится в наиболее радикальной форме, человек становится самим собой, вынужден прямо выбирать между добром и злом, жизнью и смертью, верой и разумом и т.д. Наука же – это своеобразная попытка людей обезопасить себя перед необходимостью отвечать на подобного рода вопросы за счет освоения предметного мира, овладения им.

Возникает вопрос, а для чего тогда существует философия, ведь с ее рационалистической установкой она не может дать надежду подобно вере. Философия, отвечает на этот вопрос Ясперс, является преодолением мира, аналогом спасения. Это интеллектуальное спасение, спасение внутри размышлений, внутри рефлексии над предельными основаниями бытия. Философия – это аналог веры, но на интеллектуальном уровне, некий синтез веры и убеждения. Вера дает надежду, философия – осознание ее, выступая в виде концептуального коммуникационного каркаса веры. Это высший этап трансцендентной философии.

Другим вариантом антисциентизма является критика науки как внутренне противоречивого явления. В этом аспекте особого внимания заслуживает Курт Хюбнер и его книга «Критика научного разума», в которой подвергаются обстоятельному анализу самые первичные основания естественных наук. Если говорить совсем кратко, то Хюбнер в этой своей работе стремится продемонстрировать необъективность науки. Даже самые простые предложения (базисные предложения, по Хюбнеру) оказываются не отражениями объективными реальностями, не описаниями в строгом смысле слова (и несводимы к ним). «Мы видим, что базисные предложения, которые должны выражать факты, служащие основанием для теории, ни в коем случае нельзя понимать как передачу чистых восприятий (размеров, конгруэнтностей, перемещений и т.п.); базисные предложения тоже нагружены теоретическим содержанием. Базисное предложение говорит не о том, что я воспринимаю то-то и то-то, а о том, что измерена такая-то длина световой волны, такая-то сила тока, такая-то температура, такое-то давление и т.п. А все эти понятия имеют смысл и содержание только в рамках соответствующих теорий». («Критика научного разума») Таким образом, ни одна научная теория не может быть сведена к описаниям «объективного мира», и потому не отвечает критериям научности (см., к примеру, у Витгенштейна). Далее Хюбнер разворачивает свою критику, доказывая необъективность законов и аксиом естественных наук. Наконец, Хюбнер делает важнейший и неоспоримый вывод. «Таким образом, эмпирический элемент может быть найден только в структуре метатеоретического вывода: "Если приняты такие-то правила, постулаты, теории (все то, что может быть названо метатеоретическими объектами), то из этого следуют такие-то базисные предложения, опровержения или подтверждения (то есть также метатеоретические объекты)"».

Отдельного внимания заслуживает ярчайший представитель философии конца XX века, Роберт Антон Уилсон. Он полностью соглашается с выводами Хюбнера и приводит многочисленные эмпирические доказательства его правоты (хотя конкретно на Хюбнера не ссылается). Проблеме объективности научного метода посвящена его книга «Моя жизнь после смерти». Надо отметить, что проблемы объективности науки и ее места в мире, роли науки в жизни человека поднимаются чуть ли не в каждом произведении этого автора (включая художественные). В каждом из них обнаруживается свежий взгляд на уже рассмотренные проблемы. В этом отношении примечательна его книга «Новая инквизиция», посвященная проблеме косности научного сообщества. Не критикуя науку как метод освоения мира, Уилсон, все же, вскрывает ряд проблем науки как научного сообщества, проблемы возможности «is»-утверждений (А есть В), а также проблемы роли субъекта в восприятии мира. Если быть кратким, выводы его таковы (и это позволяет смело причислить его к сонму антисциентистов): научное сообщество косо и необъективно в силу того, что имеются такие сдерживающие факторы, как круговая порука и неистребимая уверенность в своей правоте, которая сродни религиозному фанатизму; конструкция «А есть В» допустима только по отношению к конечным множествам (что имеет не много смысла для науки), по отношению к бесконечным или очень большим она бессмысленна; наконец, «реальность термопластична, а не термореактивна, хотя это, все же, и не пластилин» («Иллюминатус!», том 2). Таким

образом, выходит, что субъект может по собственному желанию изменять облик мира, не только свое восприятие его, но и саму «объективную» реальность (что ярко выражается в примере с «Обществом плоской Земли»). Надо отметить, что, к несчастью для наиболее ортодоксальных ученых, многие выводы Уилсона подтверждаются сейчас опытами в области квантовой механики, а также развитием современной логики.

Какие же выводы можно сделать из вышенаписанного? Что мы можем сказать, рассмотрев историю спора, продолжающегося вот уже несколько веков и имеющего принципиальную, мировоззренческую значимость? Наука, несомненно, достигла больших успехов в познании и освоении материального мира. Тем не менее, это не может служить доказательством ни ее исключительности как способа объективного познания, ни, тем более, ее общечеловеческой значимости. Наука не способна ни удовлетворить духовные потребности человека, ни помочь ему понять смысл своего существования, она не способна дать ему моральный стержень или нравственные идеалы – все это принципиально другая, недостижимая для науки сфера человеческой жизни. Наконец, определенные практические успехи науки еще не гарантируют ее истинности как способа познания мира, ибо развитие так называемого «принципа черного ящика» наглядно показало, что для получения неких запрограммированных результатов от чего бы то ни было вовсе не обязательно знать принцип работы этого чего-то. Между тем, наука, в своей глубинной сущности не имеет противоречия с религией или философией, что обеспечивается именно разделением сфер их интересов и действия. Об этом необходимо помнить и не абсолютизировать достижения научной мысли. Что же касается объективности науки, то здесь с уверенностью можно сказать лишь одно – наука познает. Наука – это некоторый шаг на пути развития человечества; окажутся ли ее достижения и теории значимыми или обесценятся – покажет время. Но, так или иначе, она, как и всякий полученный опыт, оставит в истории человечества свой след, и будет еще одним шагом на бесконечном пути человеческого прогресса.